

Глава девятая

РОМАН «ПРОЛОГ»

Над романом «Пролог» Чернышевский работал в Александровском заводе в 1867—70 гг. Посылая рукопись этого романа вместе с другими произведениями и отрывками, он так характеризует его в описи, приложенной к посылке: «Роман «Пролог пролога». Продолжение «Старины», которая была послана прежде. Начинается самостоятельно; все понятно и не читавшему «Старины»... «Дневник Левицкого». Начало второй части «Пролога», брошенное мной» (XIV, 506).

Таким образом, роман дошел до нас в незаконченном виде. Тем не менее Чернышевский придавал большое значение его публикации. Посвященное разоблачению истинной сущности крестьянской реформы 1861 г., произведение это должно было с неопровержимой ясностью и убедительностью поставить перед русским и мировым общественным мнением великий вопрос — вопрос о задачах революционного развития послереформенной России.

Понимая общественное значение своей книги, Чернышевский настоятельно просил Пыпина позаботиться об ее как можно более быстром издании в России и за границей: «Прощу напечатать, сколько возможно по цензурным условиям. Если уцелеет хоть половина, и то хорошо. Я писал с мыслью издать во французском или английском переводе. В русском издании надобно выбросить все, что относится до литературных занятий Волгина, и вставить где понадобится по две, по три фразы, в которых объяснялось бы, что он адвокат при коммерческом суде...» (XIV, 506).

Из письма Пыпину видно, что, работая над романом, Чернышевский предназначал его для издания в вольной русской печати за границей, а также и на французском или английском языках, хотя не оставлял надежды и на издание в России, с неизбежными в этом случае цензурными сокращениями.

Публикация романа за границей необходима была потому, что русское освободительное движение и тогда было тесно связано с революционным движением на Западе, и это прекрасно понимал Чернышевский. С его точки зрения, вызвать интерес и сочувствие передовых сил Европы к русской революции, дать им ясное представление о соотношении и подлинной природе социально-политических лагерей русского общества, было так же важно, как важно было передать опыт русской революционной демократии.

Только в 1874 г. второй экземпляр рукописи «Пролога» был доставлен Г. Лопатиным в Лондон. Это была копия, снятая М. Муравским во время его совместного пребывания с Чернышевским в Александровском заводе. После своего освобождения и возвращения в Россию Муравский передал ее Глебу Успенскому, от которого она попала в руки Г. Лопатина.

Г. Лопатин, близко знавший К. Маркса, познакомил его с рукописью романа. Как уже указывалось, К. Маркс проявлял живой интерес к судьбе Чернышевского и сам ставил вопрос о необходимости вызвать интерес и симпатию к нему в Западной Европе. По свидетельству Г. Лопатина, К. Маркс утверждал, что «политическая смерть Чернышевского есть потеря для ученого мира не только России, но и целой Европы»¹. Роман «Пролог пролога» печатался с вклада и одобрения К. Маркса.

Неудивительно, что вокруг издания «Пролога» с новой силой разгорелась острая политическая борьба. Реакционные либералы употребили все усилия для того, чтобы помешать изданию романа за границей. В лицемерном письме к П. Лаврову, предпринявшему издание романа в Лондоне, Пыпин обвинял его в пренебрежении к интересам Чернышевского и его семьи. Он требовал «уничтожить издание и молчать о нем» и через украинского либерала-националиста Драгоманова пытался принудить Лаврова к отказу от издания. Все эти ухищрения либерала Пыпина не запугали Лаврова, и в 1877 г. «Пролог пролога» был опубликован в Лондоне без имени автора².

Когда роман был все-таки издан, Драгоманов писал секретарю редакции революционно-народнической газеты «Вперед», пытаясь оклеветать роман и принизить его значение: «О романе, значит, переговоры кончены!.. Вдобавок теперь вижу,

¹ Переписка К. Маркса и Ф. Энгельса с русскими политическими деятелями, Госполитиздат, 1947, стр. 158.

² «Пролог», Роман начала шестидесятих годов, ч. 1-я: «Пролог пролога». «Вперед», Лондон, 1877 г.

что роман мог весьма легко подождать и не месяц, так как он в художественном отношении не представляет ровно никаких достоинств, а в политическом тоже имеет мало значения, а интересен больше всего для характеристики личности автора»¹.

Буржуазно-либеральная критика в дальнейшем перепевала на все лады эти утверждения Драгоманова.

Только через 17 лет после первого заграничного издания романа он получил достойную, единственно правильную оценку. В работе «Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?» В. И. Ленин, ссылаясь на это произведение, указывает на образцовое по глубине изображение самых существенных сторон целой исторической эпохи — эпохи крестьянской реформы: «Нужна была именно гениальность Чернышевского, чтобы тогда, в эпоху самого совершения крестьянской реформы (когда еще не была достаточно освещена она даже на Западе), понимать с такой ясностью ее основной буржуазный характер, — чтобы понимать, что уже тогда в русском «обществе» и «государстве» царили и правили общественные классы, бесповоротно враждебные трудящемуся и безусловно предопределявшие разорение и экспроприацию крестьянства»².

В. И. Ленин широко цитирует «Пролог» для характеристики основных политических лагерей русского общества того времени, для анализа положения крестьянских масс в буржуазно-помещичьей России. В. И. Ленин говорит о гениальных предвидениях Чернышевского, которые *теперь* стали фактом³, в связи с мыслями, высказанными в «Прологе».

Начиная с 1894 г. на протяжении более чем 20 лет В. И. Ленин многократно обращается к «Прологу», используя это произведение для борьбы против реакционных либералов-реформистов, для разоблачения либеральных народников, для анализа и характеристики движущих сил русского освободительного движения на разных этапах его развития.

Первое русское издание «Пролога» вышло в 1906 г., когда сын Чернышевского М. Н. Чернышевский предпринял издание первого полного собрания его сочинений. Все последующие издания осуществлялись уже в советскую эпоху. После Октября начинается и специальное изучение романа. Одной из первых статей, посвященных специально роману «Пролог», является статья А. В. Луначарского в пятом томе избранных сочинений Чернышевского, вышедшем в 1932 г.

¹ Чернышевский в Сибири. Вып. 2. СПб. 1913, стр. X VIII.

² В. И. Ленин, Соч., т. 1, стр. 263.

³ Там же, стр. 264.

Луначарский в первую очередь подчеркнул громадное познавательное и воспитательное значение этого замечательного романа для нашей советской молодежи: «Чернышевский написал... изумительный роман — «Пролог»... Я эту книгу читал с неподдельным восхищением, я не мог от нее оторваться. Хотя я и обладаю известным опытом, должен сказать, что почерпнул из этой книги много поучительного не только в смысле знания эпохи, но и в смысле новых горизонтов, — по крайней мере укрепления старых горизонтов. Будет преступлением с нашей стороны, если мы не ознакомим сейчас с Чернышевским нашу молодежь»¹.

Луначарский отметил также и то обстоятельство, что советское литературоведение совершенно недостаточно занимается изучением этого выдающегося произведения русской классической литературы: «Можно с некоторым удивлением констатировать, что так мало сделано вокруг истории возникновения и развития этого романа и вокруг внутреннего анализа его содержания»², — писал он.

К сожалению, за 20 лет, истекших после появления статьи Луначарского, дело изучения романа «Пролог» продвинулось вперед далеко недостаточно. Исследование романа еще не вышло за пределы вступительных статей, послесловий и комментариев к новым его изданиям. Следует все же отметить работы, имеющие существенное значение для изучения и пропаганды этого произведения. Это, в первую очередь, статья А. П. Скафтымова, в которой на богатом фактическом материале глубоко выясняется историческая основа романа и дается историческая характеристика его прототипов³. Затем ряд статей, посвященных характеристике идейного содержания и художественного значения романа⁴.

Реалистическое мастерство Чернышевского в романе «Пролог» достигает еще большей высоты и совершенства, чем в романе «Что делать?». Это новый и важный шаг творческого развития Чернышевского-художника, новый шаг вперед в развитии русского политического, публицистического романа.

¹ А. Луначарский, Русская литература, Госполитиздат, 1947, стр. 172—73.

² Там же, стр. 198.

³ А. Скафтымов, Историческая действительность в романе «Пролог», В кн. Н. Г. Чернышевский, «Пролог». Саратов, Обл. изд., 1948.

⁴ Н. Бельчиков, Смысл романа «Пролог» Вступительная статья к роману «Пролог». Лениздат, 1952.

А. Груздев, Роман Н. Г. Чернышевского «Пролог». Послесловие к роману «Пролог». Лениздат, 1952.

Г. Фридлиндер, «Пролог» Н. Г. Чернышевского. Вступительная статья к роману «Пролог», Гослитиздат, 1953.

События, изображенные в романе «Пролог», происходят в 1857 г. Таким образом, хронологически роман является непосредственным продолжением «Старины». 1857 год — год объявления правительственного рескрипта, начало открытой подготовки крестьянской реформы. Почему в послереформенной России Чернышевский ставит в центр нового романа тему подготовки реформы, задачу разоблачения ее социальной природы и путей ее осуществления?

Конечно, для Чернышевского такая тема представляла далеко не только исторический интерес. Разоблачить сущность крестьянской реформы, ее подлинный антинародный смысл, ее неизбежные результаты — это была актуальнейшая политическая задача революционной демократии в послереформенный период, потому что вопреки либеральному славословию реформа не разрешила сколько-нибудь удовлетворительно ни одного из коренных противоречий русской общественной жизни, не сняла с повестки дня *ни одной* из великих задач революционной демократии.

Политическая задача, которую ставил перед собой Чернышевский в «Прологе», заключалась в том, чтобы художественным разоблачением реформы 1861 г. показать русскому обществу, что перед ним попрежнему стоит задача революционного ниспровержения существующего строя, что революция и теперь, после «освобождения», необходима и неизбежна.

Художественное раскрытие этой идеи в 60-х — 70-х годах становится одной из главных задач всей революционно-демократической литературы. Ее решению посвящена и поэма Некрасова «Кому на Руси жить хорошо», и сатирические обзоры Салтыкова-Щедрина. Некрасов в своей поэме, нарисовав широкие поэтические картины народной жизни до и после реформы, с огромной художественной убедительностью показал, что положение народа по существу не улучшилось, что реформа не разрешила ни одного из противоречий жизни русского общества, что поэтому только народная революция против помещиков и самодержавия, только борьба за полное и окончательное раскрепощение трудового крестьянства отвечает интересам страны. Салтыков-Щедрин в «Истории одного города», сатирически изображая историческое прошлое, с неотразимой силой разоблачает именно те черты самодержавного произвола, которые полностью сохранились и после так называемой «эпохи реформ», показывает, что произвол и насилие верхов, пассивность и неорганизованность низов продолжает оставаться главным, коренным злом русской жизни.

Этой задаче посвящен и «Пролог». Чернышевский с наибольшей прямоотой ставит политическую тему, тему разоблачения самодержавия и реакционного либерализма, раскрывает

ее на конкретно-исторических событиях политической борьбы в период подготовки реформы. В условиях проклятой поры «эзоповских речей, литературного холопства, рабьего языка, идейного крепостничества»¹ это было возможно только в безцензурных произведениях вольной революционной печати. В. И. Ленин писал по поводу речей Волгина, «в уста которого Чернышевский вкладывает свои мысли»: «Важно отметить также, что подобные чисто революционные идеи он умел излагать в подцензурной печати. В нелегальных своих произведениях он писал то же самое, но только без обиняков»².

Каковы же были взгляды Чернышевского на реформу 1861 г., на роль различных общественных классов, различных политических сил в ее осуществлении? Как понимал писатель внутреннее и международное положение России после реформы, в конце 60-х и начале 70-х годов, когда он надеялся опубликовать свой роман?

В. И. Ленин отмечал «глубокое и превосходное понимание Чернышевским современной ему действительности»³, как одну из характерных черт вождя русской революционной демократии. Свои взгляды на реформу он изложил в 1862 г. в «Письмах без адреса», которые предназначались для «Современника», но не были допущены цензурой. Только в 1874 г. они были опубликованы за границей при активном содействии К. Маркса.

В «Письмах без адреса» Чернышевский подчеркивал антинародный характер реформы. Он указывал, что царизм решил ограничиться «незначительными передслками», так как «дворянство очень пристрастно к своим привилегиям». С самого начала было очевидно, «что дело будет исполнено неудовлетворительно». Весь ход реформы, по мнению Чернышевского, подтвердил несостоятельность самих принципов, положенных в ее основание: «Дело было начато с желанием требовать как можно менее пожертвований от дворянства... Поэтому и результат оказывался такой, что изменены были формы отношений между помещиками и крестьянами с очень малым, почти незаметным изменением существа прежних отношений. Этим думают удовлетворить помещиков» (X, 99).

Такую оценку реформы В. И. Ленин и считал проявлением гениальной прозорливости Чернышевского. В своих статьях на эту тему В. И. Ленин научно, марксистски обосновал ту оценку реформы, которую с революционно-демократических позиций давал Чернышевский. В статье «Крестьянская реформа и пролетарско-крестьянская революция» он писал: «Кресть-

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 10, стр. 26.

² Там же, т. I, стр. 263.

³ Там же.

янская реформа» была проводимой крепостниками буржуазной реформой. Это был шаг по пути превращения России в буржуазную монархию»¹.

Интересно, что «Письма без адреса» были одним из главных источников К. Маркса, которыми он пользовался при изучении социально-экономических отношений в России. Сохранился его конспект этой работы Чернышевского, где Маркс не только делает выписки, но и перефразирует общую оценку реформы, присоединяясь к ней. Чернышевский писал: Крымская война прорвала «небольшую прореху в нашем платье, и мы думали на первый раз, что надобно только починить ее; но, начав штопать, мы постепенно замечали ветхость материи на всех местах, до которых приходилось нам дотрогиваться; и вот... все общество начинает высказывать потребность одеться с ног до головы в новое: штопать оно не хочет» (X, 96).

К. Маркс излагает эту мысль в своем конспекте следующим образом: «...и оказалось, что всему обществу надо одеться с ног до головы в новое: *на штопках не выведешь*»².

Позднее, в конце 1881 и начале 1882 гг., в «Заметках о реформе 1861 г. и пореформенном развитии России» Маркс по ряду вопросов развил и обосновал идеи Чернышевского относительно грабительского характера крестьянской реформы. «Грабеж по случаю так называемого освобождения», «разбой и обман» — так квалифицирует К. Маркс помещичью политику самодержавия. «В действительности, — пишет он, — все было перетасовано и перестроено в интересах *помещика, а не крестьян*»³.

Необходимо революционное преобразование всех условий русской жизни, а не либерально-реформистская штопка старого порядка — вот идея, которая легла в основу романа «Пролог». Она же и определила выбор сюжетного конфликта и метод образного раскрытия существенных черт борющихся социально-политических сил русского общества.

Также глубоко и верно понимал Чернышевский, приступая к работе над «Прологом», и международное положение России и непрерывно возрастающее *мировое* значение русского освободительного движения.

Находясь на каторге, Чернышевский зорко следил за развитием важнейших событий общественно-политической жизни не только в России, но и в Западной Европе. Товарищ Чернышевского по заключению П. Николаев вспоминает: «Нас уже и тогда поражали удивительная проницательность и всесто-

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 17, стр. 95.

² Архив Маркса и Энгельса, т. XI, Госполитиздат, 1948, стр. 7.

³ Архив Маркса и Энгельса, т. XII, Госполитиздат, 1952, стр. 127.

ронные знания этого человека. Весь ход войны (франко-прусской) почти до деталей сражений, походов, отступлений и пр., был предсказан им»¹.

К. Маркс и Ф. Энгельс, обратившиеся в это время к тщательному изучению положения в России, указывали, что внутреннее положение России после реформы и внешнее ее положение после падения парижской коммуны включает в себе возможность и необходимость революционных сдвигов, имеющих всемирно-историческое значение. Энгельс писал: «...внутренние и внешние условия, в которых находится Россия, чрезвычайно своеобразны и чреваты событиями величайшего значения для будущего не только русских рабочих, но и рабочих всей Европы... Великий освободительный акт, столь единодушно превознесенный и прославленный либеральной прессой Европы, создал не что иное, как лишь твердое основание и абсолютную необходимость будущей революции»².

Послереформенная Россия была чревата революцией. Не случайно В. И. Ленин в статьях о Толстом называет всю послереформенную эпоху с 1861 по 1905 гг. эпохой подготовки первой русской революции. В предисловии к русскому изданию писем К. Маркса и Ф. Энгельса к Зорге В. И. Ленин указывал, что начиная с 70-х годов «Маркс и Энгельс были полны самой радужной веры в русскую революцию и в ее могучее всемирное значение. На протяжении почти двадцати лет мы видим в данной переписке это страстное ожидание революции в России»³.

Чернышевский, анализируя события русской общественной жизни, приходил к тому же заключению. Страстным ожиданием революции в России, сознанием ее мирового значения он жил и дышал, о приближении ее сроков он горячо мечтал. В январе 1871 г., посылая роман «Пролог», Чернышевский писал жене: «Для всего континента Западной Европы начинается новый период жизни. Когда отразятся результаты торжества Германии на России? Мы здесь еще не знаем, какой оборот принимает дело по требованию русского правительства иметь флот на Черном море. Но, мой милый друг, ни в одном из важных вопросов истории Европы и Америки в последние десять лет мои соображения не оказались ошибочными. И теперь легко предвидеть, что будет с Россией через два, три года, — или через год? — вот этого только еще не вижу я отсюда: будет ли отсрочка хоть на три или хоть на два года столкновению России с Западной Европой, или оно уже началось.

¹ П. Николаев, Личные воспоминания о пребывании Н. Г. Чернышевского в каторге, М. 1906, стр. 17.

² К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XV, стр. 407—408.

³ В. И. Ленин, Соч., т. 12, стр. 335—336.

Бедный русский народ, тяжело придется ему в этом столкновении. Но результат будет полезен для него. И тогда, мой друг, понадобится ему правда... Быть может, кто-нибудь скажет тебе: «он слишком самонадеян» или «он слишком много предсказывает»; не смущайся этим замечанием и знай: я могу говорить об исторических делах, потому что я много учился и много думал» (XIV, 505).

Чернышевский хотел участвовать и участвовал в развитии и пропаганде подлинно революционных взглядов, в борьбе против либерально-буржуазной лжи о благотворности царского «освобождения» крестьян, о процветании послереформенной России. Беспощадное разоблачение либерализма, как антинародной, реакционной силы, помогающей царизму держаться у власти, изобличение либерального лицемерия, либеральных разговоров о народе и прогрессе — одна из основных идейных задач романа «Пролог», потому что без вытеснения либеральных иллюзий в общественном сознании, без изоляции либерализма не могла победить русская революция.

Чернышевский был идеологом русской революционной демократии в эпоху, когда русский пролетариат находился еще в утробной стадии своего развития, царизм изолировал его от прямого участия в освободительной борьбе, от возможности ознакомления с великими открытиями социалистической мысли Европы — в силу этих условий он не мог подняться до понимания роли пролетариата в социалистическом преобразовании общественной жизни, в революции трудящихся и эксплуатируемых масс России. Но несмотря на все эти условия и обстоятельства он оставался истинным защитником интересов трудового народа, самым передовым, самым последовательным революционным мыслителем России вплоть до выхода на историческую арену русского рабочего класса, вплоть до возникновения ленинизма.

Ф. Энгельс в статье «Социальные отношения в России» высказывал восхищение гениальным русским революционным мыслителем: «Вследствие интеллектуального барьера, отделявшего Россию от Западной Европы, Чернышевский никогда не знал произведений Маркса, а когда появился «Капитал», он давно уже находился в Средне-Вилуйске... Все его умственное развитие должно было протекать в тех условиях, которые были созданы этим интеллектуальным барьером... Поэтому, если в отдельных случаях мы и находим у него слабые места, ограниченность кругозора, то приходится только удивляться, что подобных случаев не было гораздо больше»¹.

Политическая прозорливость Чернышевского, «понимание

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XVI, ч. II, стр. 389.

антагонистичности русских общественных классов»¹ с особенной силой выразились в романе «Пролог». «Реформа 19 февраля» — это не разрешение крестьянского вопроса. Реформа — лишь пролог к революции, а подготовка реформы — лишь «пролог пролога». Таков смысл заглавия романа в целом и заглавия его первой части.

Революционно-демократическая позиция Чернышевского, характер и содержание его политических взглядов непосредственно определяют метод художественной типизации жизненных явлений в романе «Пролог».

Коренной общественный конфликт своего времени Чернышевский положил в основу сюжета романа «Пролог» и мастерски развернул его перед читателем так, чтобы сделать очевидным непримиримый антагонизм противоположных политических лагерей.

Сюжеты двух романов Чернышевского «Что делать?» и «Пролога» существенно отличаются друг от друга в соответствии с характером обоих произведений. В «рассказах о новых людях» и сюжет строится главным образом на изображении трудовой деятельности и семейно-бытовых отношений в среде разночинно-демократической интеллигенции, действие развивается как «история роста и организации» характера передовой русской женщины, добивающейся равного с мужчиной положения в труде и в семье.

Роман «Пролог» посвящен иной теме. Крупнейшее событие социально-политической жизни того времени — история подготовки и осуществления крестьянской реформы является главным предметом изображения, поэтому основу сюжета составляет борьба политических сил вокруг вопроса об освобождении крестьян.

О главных политических лагерях, выдвинувшихся на историческую арену, начиная с «эпохи реформ», В. И. Ленин писал: «Либералы 1860-х годов и Чернышевский суть представители двух исторических тенденций, двух исторических сил, которые с тех пор и вплоть до нашего времени определяют исход борьбы за новую Россию»².

Противоположность интересов помещиков и крестьян, а в политической борьбе непримиримая противоположность либералов и демократов выступает в романе как основа сюжетного конфликта, и все развитие сюжетного действия служит все более и более ясному и глубокому раскрытию этой непримиримой противоположности. Чернышевский сумел правдиво рас-

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 1, стр. 263.

² Там же, т. 17, стр. 96.

крыть в романе «Пролог» борьбу этих двух главных тенденций, определявших ход общественного развития России на протяжении полувека, несмотря на то, что в то время они, по словам В. И. Ленина, «только наметились в жизни, только-только обрисовались в литературе»¹.

Еще в 1858 г. Чернышевский писал в статье «Борьба партий во Франции»: «Либералов совершенно несправедливо смешивают с радикалами и демократами... У либералов и демократов существенно различны коренные желания, основные побуждения. Демократы имеют в виду по возможности уничтожить преобладание высших классов над низшими в государственном устройстве, с одной стороны уменьшить силу и богатство высших сословий, с другой — дать более веса и благосостояния низшим сословиям... Напротив того, либералы никак не соглашались предоставить перевес в обществе низшим сословиям» (V, 215-216). Разъяснению диаметральной противоположности либеральных и революционно-демократических взглядов посвящен целый ряд статей Чернышевского, написанных до и после реформы.

Первая часть романа — «Пролог пролога» — включает в себе вполне законченный и самостоятельный сюжет, рисующий первые шаги в подготовке реформы. Действие его происходит в 1857 г. именно потому, что в политических событиях этого года ясно определился грабительский, помещичий характер того «освобождения», которое готовило правительство.

К лету 1857 г. были изложены «Основные положения» будущей реформы. На своих заседаниях 14—18 августа 1857 г. Секретный комитет постановил производить «улучшения» положения крестьян лишь «медленно и осторожно». Наконец, 20 ноября 1857 г. последовал рескрипт Александра II генерал-губернатору трех губерний Назимову в ответ на петицию дворянских комитетов этих губерний (Виленской, Ковенской и Гродненской). Это были первые официальные заявления о намерении самодержавного правительства отменить крепостное право, и Чернышевский, показывая борьбу основных идейно-политических направлений вокруг этого события, обнаруживает перед читателем, что с самого начала, с первых шагов царизм стремился провести «освобождение» крестьян руками помещиков и в интересах помещиков.

Такое изображение событий полностью соответствует исторической истине. К. Маркс в своих заметках о реформе 1861 г. в России писал: «Александр II с самого начала решил дать помещикам возможно больше (а крестьянам возможно мень-

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 17, стр. 98.

ше), чтобы примирить их с *формальной отменой крепостного права*»¹.

В. И. Ленин, разоблачая апологетическое словословие реформы в сочинениях либералов, опровергал утверждение Струве о том, что Александр II, «задумывая и проводя» реформы, якобы, не ставил целью во что бы то ни стало отрезать народу путь к политической свободе: «Это неправда, — писал В. И. Ленин. — Правительство Александра II, и «задумывая» реформы и проводя их, ставило себе с *самого начала* совершенно сознательную цель: не уступать *тогда же* *заявленному требованию политической свободы*. Оно с *самого начала* и до самого конца стрезывало всякий легальный путь к свободе, ибо отвечало репрессиями даже на простые ходатайства, ибо не разрешало никогда даже говорить свободно о свободе»².

Гениальность Чернышевского сказалась в том, что уже тогда он понимал классовую природу правительственной политики и дворянского либерализма, что уже тогда он с революционно-демократических позиций разъяснил ее русскому обществу.

Как же относился Чернышевский в 1857 г. к правительственной политике в вопросе об освобождении крестьян? Существовала ли в это время вполне *определившаяся* революционно-демократическая точка зрения по этому вопросу?

Уже в 1857 г. Чернышевский выступал против либералов, требующих выкупа с крестьян не только за землю, но и за «свободу личности», заявляя при этом, что русское крестьянство является единственным законным хозяином земли, ибо только оно эту землю обрабатывает. В статьях по крестьянскому вопросу, публиковавшихся в 1857—58 годах в «Современнике», Чернышевский развернул последовательные революционно-демократические взгляды не только на крепостное право вообще, но на вопрос о земле в частности.

Исключительный интерес представляет письмо Чернышевского к А. Зеленому (сентябрь 1857 г.) по поводу правительственных планов «освобождения». Великий демократ писал: «Из общественных новостей попрежнему занимает Петербург указ об освобождении крестьян. Он подписан и скоро будет обнародован. Но он оказывается вовсе не указом об освобождении, а просто приглашением к полюбовным сделкам, причем определяются некоторые обеспечения поселянам против произвола, именно: 1) помещик не может продавать на вывод и 2) браки между крепостными заключаются без его вмешательства. Не-

¹ Архив Маркса и Энгельса, т. XII, Госполитиздат, 1952, стр. 5.

² В. И. Ленин, Соч., т. 5, стр. 56. (Выделено нами. — Г. Т.).

которые прибавляют, что определяется тахітум оброка и тахітум выкупной платы, так что поселянин, который заплатит определенную сумму, не может быть обращен на барщину или удержан от выкупа... Потому я не защищаю и не превозношу» (XIV, 350).

«Пролог пролога» дает художественное обобщение богатейшего жизненного материала, проясняющего этот вопрос. Сюжет первой части романа развивается от противопоставления характеров и морального облика к раскрытию социально-политических корней противоположности двух лагерей русского общества.

Уже в экспозиции романа обнаруживается глубокое различие взглядов на жизнь между Волгиным-Левицким¹, с одной стороны, и Савеловым-Рязанцевым, с другой. Из сцены прогулки супругов Волгиных по улицам Петербурга выясняется, что Левицкий «поклонник» Волгина и хочет установить с ним связь. С другой стороны, оказывается, что Волгин презирает Рязанцева и его либеральный салон, где постоянно бывает и Савелов. «Это, я тебе скажу, удивительно, кого не увидишь у этого Рязанцева! — говорит Волгин. — Раз, я сижу у него один, — входит эта шельма, — Рязанцев рекомендует: Савелов! — Я, разумеется, сейчас ушел: чорт с ними!»

Таким образом, уже в первых сценах, составляющих экспозицию романа, Чернышевский выводит почти всех главных действующих лиц и мастерски намечает характер взаимоотношений — симпатий и антипатий между ними: с одной стороны, Волгина и Левицкий — скромные интеллигенты-разночинцы, которые могут и должны сойтись во взглядах, с другой — либерал Рязанцев, который якшается с «шельмой» и «бестией» Савеловым.

Сюжет разворачивается в области бытовых отношений как столкновение двух противоположных систем морали, противоположных представлений о любви, семье и браке, о главном и второстепенном в жизни людей. «Шельма» Савелов выслеживает жену, которую подозревает в неверности, и, уличив, надеется заставить ее более усердно служить интересам своей карьеры.

Волгина², разгадав его намерение, решает вмешаться и предупреждает Нивельзина о слежке. Так завязывается бытовой конфликт. С точки зрения морали новых людей семья должна основываться на взаимной любви, на общности духовных интересов, на внутренней свободе и равенстве женщины с мужчиной. На таких отношениях основана семья Вол-

¹ Прототипами Волгина и Левицкого являются Чернышевский и Добролюбов.

² Прототипом Волгиней является Ольга Сократовна Чернышевская.

гих. Волгина глубоко уважает своего мужа, понимает серьезность и ответственность того дела, которому он посвятил себя, старается всячески облегчить его жизнь. Волгин в свою очередь преклоняется перед своей женой. Волгину искренне возмущает нерешительность и, наконец, измена настоящему чувству со стороны Савеловой. Она считает единственно разумным решением сложившейся коллизии — разрыв Савеловой с мужем, за которого ее выдали по расчету и который в свою очередь тоже женился на ней по расчету, без малейшей сердечной склонности.

Савелов живет в полном согласии с традициями господствующей морали — морали господ и рабов. Для него жена — «не больше, как должностное лицо», предназначенное для выполнения трех обязанностей: «заменять экономку», «заменять наложницу» и — главное — «помогать его возвышению приобретением очень сильных или очень знатных друзей».

Но Савелова, полюбившая Нивельзину, в последний момент обнаруживает, что она не способна решиться на открытый разрыв с мужем, для нее интересы карьеры и положения в свете гораздо важнее любви: «...для одних, например, счастье в любви; для других любовь — приятное чувство, но есть вещи дороже ее», — объясняет Волгин Нивельзину причину ее отказа. «Вас она любит, но с мужем у нее такая блистательная карьера». Савелова предпочитает свое блистательное рабство, со всеми его страшными унижениями, интересам любви и независимости. Так разрешается первый эпизод сюжетного действия: противоположность двух политических лагерей выступает здесь как противоположность бытовых и моральных представлений. И эта противоположность оказывается непримиримой, не допускающей никаких компромиссов.

Однако идейный смысл этого эпизода далеко выходит за пределы одного только быта, одной только этики любви и брака. Он сформулирован в тех философских и практических выводах, которые делает Волгин из всей этой истории с неудачным «спасением» Савеловой от семейной тирании. Не случайно этот эпизод дважды рассматривается Волгиным — Чернышевским: один раз в общей форме — в разговоре с Нивельзиным, другой раз в более развернутой форме — в беседе с женой.

«Нельзя приневоливать людей быть счастливыми по-нашему, потому что у разных людей разные характеры», — говорит Волгин Нивельзину. «Она не глупенькая девушка, которая еще не может понимать ни людей, ни саму себя; она вернее всех нас может знать, в чем для нас счастье».

В основе представлений Савеловой о счастье жизни лежит не простое непонимание своих истинных интересов. Ее мораль, власть традиционных представлений над нею коренится в тех *условиях* жизни, которые сформировали ее характер. Пока человек сам на собственном опыте не придет к сознанию невыносимости рабства, пока в нем не созрел глубокая потребность и решимость изменить условия своего существования — до тех пор ему никто не сможет помочь, одно разъяснение истинных понятий не поможет делу.

В разговоре с женой Волгин упрекает себя за непростительные иллюзии, которым он поддался в истории с Савеловой, будто бы можно только добрыми намерениями и правильными советами изменить жизнь человека: «Но ты возьми то, голубочка, — сетует он, — с какой же стати мне было не понимать ничего?»

Огорчение Волгина, вызванное этим размышлением, несоизмеримо с мелочностью повода. «Можно ли так горячиться из-за таких пустяков», — укоряет его жена. Но дело как раз в том, что для Волгина этот бытовой случай явился новым подтверждением большой и глубокой мысли, применимой не только к быту, но и к общественной жизни. Изменить условия существования общества также невозможно до тех пор, пока в самом обществе не выработается сознание необходимости коренных перемен и решимость непримиримо бороться за изменение жизни. Как бы правильны ни были идеи передовых людей, как бы ясно ни понимали они пути революционного преобразования жизни, но пока основная масса общества — народ не придет в практике борьбы к сознанию необходимости перемен, сам не возьмется за решение своей судьбы, до тех пор никакая высокая и правильная теория не поможет делу. «Я тебя отучу огорчать меня твоими печальями о будущем», — говорит Лидия Васильевна Волгину. «Пусть себе живут, как им нравится. Пусть прежде поумнеют хоть немножко, — тогда другое дело. А если общество так глупо, как ты говоришь, стоит ли горячиться?»

Но Волгин — демократ и революционер, не может не волноваться, не горячиться, когда думает о положении народа, о путях и возможностях русской революции.

В следующем сюжетном эпизоде, когда Волгины знакомятся с Надей Илатонцевой, мысль о решающем значении подготовки масс к революционному действию получает дальнейшее развитие и конкретизацию. В разговоре с Илатонцевой речь идет о событиях бланкистского восстания в Париже 12 мая 1839 г. Главную причину поражения французских революционеров-заговорщиков Волгин видит именно в том, что они не считались с конкретно-исторической обстановкой, не опира-

лись на трезвый анализ соотношения общественных сил, не готовили массы к борьбе и не опирались на их революционную энергию. Они исходили только из своих высоких социалистических идеалов, желая силами кучки заговорщиков преобразовать жизнь всего общества. Для Волгина это великий исторический урок: «Это не мелочь какая-нибудь; это было важное дело, великая ошибка, страшный урок,—и остался бесполезным, натурально. — Видишь, в первые годы Людовика-Филиппа, республиканцы подымали несколько восстаний; неудачно; — рассудили: «Подождем, пока будет сила»; ну, и держались несколько лет смирно; и набирали силы; но опять недостало рассудка и терпения; подняли восстание; — ну и поплатились так, что долго не могли оправиться. А чего было и соваться?.. Ох, нетерпение! — Ох, иллюзии! — Ох, экзальтация!»

Чернышевский решительно осуждает тактику бланкистско-заговорщиков именно за то, что они игнорируют народ, массовую борьбу как решающую силу истории. В. И. Ленин писал о теоретическом основании этой тактики: «Бланкизм есть теория, отрицающая классовую борьбу. Бланкизм ожидает избавления человечества от наемного рабства не путем классовой борьбы пролетариата, а путем заговора небольшого интеллигентного меньшинства»¹.

Волгин-Чернышевский отвергает теорию и тактику бланкизма, понимая, что только движение самих масс может обеспечить успех революционного преобразования действительности. Он беззаветно предан русскому трудовому народу и верит в его революционную энергию. Он справедливо считает себя сознательным выразителем еще неосознанного революционного протеста крестьянских масс против векового рабства, против помещичьего угнетения и чиновничьего произвола. Но трагизм его положения в том, что народ, подлинные интересы которого он так хорошо понимает, которому он готов служить всеми силами и самой жизнью, сам еще «не способен поддерживать вступающих за него», поэтому практически ему невозможно пока помочь, так как «один в поле не рать».

Встретив в Левицком единомышленника, человека способного также правильно понимать интересы народа и служить им, человека молодого, рвущегося к действию, но еще неизвестного в обществе, Волгин решает отговорить его от литературной деятельности с тем, чтобы к началу революционных действий сохранить его от царской охранки. Поэтому Волгин уговаривает Левицкого принять предложение Илатонцева и посхать в его поместье в качестве гувернера.

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 10, стр. 360.

Волгин пытался скрыть от жены причины своего решения, чтобы не волновать ее преждевременно. Дело в том, что он бережет Левицкого в качестве единственной подходящей замены, когда развернутся революционные события. Относительно себя Волгин не сомневается, что будет схвачен царизмом при первых признаках революционной грозы. Он даже пытается объяснить это жене, как только убеждается, что *обман с отъездом Левицкого неизбежно должен раскрыться*: «Одно может повредить тебе с Володею: перемена обстоятельств. Дела русского народа плохи. Будь что-нибудь теперь, нам с тобою еще ничего. Обо мне еще никто не позаботился бы. Но моя репутация увеличивается. Два, три года, — и будут считать меня человеком со влиянием. Пока все тихо, то ничего. Но, как я говорю, и сама ты знаешь, дела русского народа плохи. Перед нашею свадьбою, я говорил тебе, и сам думал, что говорю пустяки. Но чем дальше идет время, тем виднес, что надобно было тогда предупредить тебя. Я не жду пока ровно ничего неприятного тебе. Но не могу не видеть, что через несколько времени...»

Волгин ведет идеологическую подготовку к революции в печати, становится постепенно крупнейшим идеологом демократии, поэтому он заранее предвидит неизбежность ареста и думает при этом не о себе, даже не о семье в первую очередь, а о том, чтобы движение не было обезглавлено, чтобы подготовить и сохранить достойную смену. Таков итог второго эпизода в развитии сюжетного действия. Этот второй эпизод строится на внешне незначительном фабульном материале — встрече с Илатонцевой, катаньи на лодке, неловком положении Волгина, видящего, что его попытка скрыть от жены, куда и почему уехал Левицкий, может каждую минуту обнаружиться. Но подлинная роль этого эпизода заключается именно в том, что он обнаруживает противоречивое положение идеологов революционной демократии, которые надеются только на массовую крестьянскую революцию, страстно ждут ее и готовятся к ней, рвутся к революционному действию, но народ еще не готов к революции, и поэтому они вынуждены выжидать или ограничиваться пропагандой передовых идей.

Следующий этап сюжетного действия выводит на арену представителей либерального лагеря с тем, чтобы со всей ясностью обнаружить перед читателем противоположность взглядов и характеров либералов и демократов уже не в частном быту, но в общественной сфере. И здесь развитие фабулы является только способом углубления основного сюжетного конфликта. Поездка Волгиной в театр с Рязанцевыми, встреча Волгина с вернувшимся из заграничной поездки Нивельзиным, знакомство его с Волгиной, внезапная влюбленность Нивель-

зия в Лидию Васильевну, его сближение с домом Волгиных — таково дальнейшее развитие фабулы. Но на этой как будто бы незначительной, не выходящей за пределы бытовых отношений фабуле Чернышевский с исключительным мастерством раскрывает противоположность политических позиций Волгина и Рязанцева и расстановку сил в русском обществе накануне реформы.

Выясняется, что Рязанцев, заигрывая с демократией, поддерживает переписку с Лондоном — с некоторыми представителями русской эмиграции, но подозревает, что связь Волгина с Вольной русской типографией Герцена гораздо прочнее, серьезнее, что Волгин — тонкий конспиратор и заговорщик, что он нарочно посылает Нивельзина за границу для связи с Лондоном по какому-то «чрезмерно важному случаю». Упиваясь своею «догадливостью» он болтает об этом в театре, вызывая серьезную тревогу Волгиной. В данном случае догадки Рязанцева неосновательны и являются плодом его собственной фантазии, но все же его болтовня может лишний раз компрометировать Волгина. Читателю ясно, что либеральный фразер Рязанцев, высказывающий восхищение демократом Волгиным, может поставить того же Волгина под удар царской охранки, что он опаснее открытого реакционера.

Маниловской восторженности и самодовольству Рязанцева, его фразерству и безответственности, его мнимому глубокому мыслению, лицемерию и трусости противопоставлен скромный и самоотверженный, безгранично преданный народу революционер Волгин. Лидия Васильевна говорит о нем Нивельзину, провожающему ее из театра: «Вы не знаете, Нивельзин, какой это человек! — И никто еще не знает! Только я одна знаю это... Вы знаете, как теперь начинают думать о нем. Но его время еще не пришло, они еще не понимают его мыслей, — придет его время, тогда заговорят о нем! — И пусть будет с ним и со мною, что будет! Я хочу, чтоб о моем муже говорили когда-нибудь, что он раньше всех понимал, что нужно для пользы народа, и не жалел для пользы народа — не то, что «себя» — велика важность ему, не жалеть себя! — Не жалел и меня! — И будут говорить это, я знаю! — И пусть мы с Володею будем сиротами, если так нужно!»

Эта страстная характеристика подчеркивает глубокий контраст характеров Рязанцева и Волгина. Но Чернышевский не останавливается на этом контрастном противопоставлении характеров либерала и демократа. Он раскрывает далее противоположность их взглядов на положение русского общества, на задачи и возможности раскрепощения народа.

Волгин с глубоким презрением относится к заигрываниям либеральных прогрессистов с демократией и революционной

эмиграцией. «Да ну их к чорту! — говорит он Нивельзину в ответ на его опасения по поводу болтовни Рязанцева об «агенте в Лондоне». — Ну, и Савелов пусть думает. Велика важность! — Кто не старается заискать в Лондоне? — Савелов-то сам старается вилять хвостом так, чтобы там заметили, а вы думаете, нет?»

В разговорах с Нивельзиным он высмеивает либеральное фразерство Рязанцева и компании, подчеркивая, что оно способно принести только вред русскому обществу, потому что внушает ложные надежды и «сбивает с толку» людей, мешая им выработать правильное понимание обстановки.

Волгин и Нивельзину разъясняет, что нельзя переходить к революционному действию, пока общество не^е готово к нему, пока нет массового революционного движения. Причины поражения революции 1848 г. во Франции он видит именно в том, что массы народа не были подготовлены к сознательному осуществлению революционных задач: «Возьмите вы наш вчерашний разговор о 1848 году. Как я бранил французских демократов за то, что они сочинили Февральскую революцию, когда общество еще не было приготовлено поддерживать их идеи. Так-то оно, так; разумеется, вышла мерзость».

Снова и снова Волгин разъясняет, что без сознательного участия широчайших масс трудового народа невозможны никакие серьезные и глубокие преобразования. Поэтому и в России нельзя ожидать ничего, кроме мерзости, от «освобождения», проводимого реакционным самодержавием. «Так вот оно и у нас. Толкуют: «Освободим крестьян». Где силы на такое дело? — Еще нет сил. Нелепо приниматься за дело, когда нет сил на него. А видите, к чему идет: станут освобождать. Что выйдет? — Сам судите, что выходит, когда берешься за дело, которого не можешь сделать. Натурально, что испортишь дело, выйдет мерзость».

Образ Нивельзина играет существенную роль в раскрытии идейного содержания романа. В нем настойчиво подчеркивается его еще не установившаяся, не сложившаяся общественная позиция. Еще во время своих первых встреч с Волгиным он обнаруживает паивное доверие к либералам — к Рязанцеву и Савелову. С другой стороны, по характеристике самого Волгина, Нивельзин человек безусловно честный, он искренне желает блага Родине. «Он один из тех немногих людей, у которых честный образ мыслей применяется к делу». По его собственному признанию, гражданские интересы у него пробудились лишь тогда, когда под ударами крымского поражения они возникли во всем обществе: «Я раскрыл глаза на свою жизнь и стал понимать свои обязанности только тогда, когда пробудилось такое же сознание в целом обществе».

Нивельзин верит в царские указы, в «освободительную» реформу, в честные намерения мерзавцев-чиновников типа Савелова; его голова набита той прекраснодушной чепухой, которую проповедают в либеральном салоне Рязанцева. Он выступает как живое свидетельство неподготовленности русского общества к правильному пониманию вещей и революционному действию. Поэтому в сюжетном развитии романа Нивельзин — связующее звено между Рязанцевым и Волгиным; на его глазах происходит столкновение враждебных идей. Пока в движение придут народные массы, пропаганда революционно-демократических идей среди лучшей части русского общества является для Волгина исключительно важным делом. За освобождение нивельзиных от «чепухи», распространяемой либералами, от либеральных иллюзий и идет идейная борьба между Волгиным и Рязанцевым. Поэтому так велика роль Нивельзина в сюжетном развитии романа.

С четвертой главы романа в сюжетное действие вступает новое лицо — Болеслав Иванович Соколовский, в котором отражены черты революционера С. Сераковского. Он тоже находится под сильнейшим влиянием либеральных иллюзий, посылается с проектом положения об отмене телесных наказаний в армию, рассчитывая провести его через правительственные учреждения, включается в ту суетливую и бесплодную деятельность, которую заняты Рязанцев и его компания.

Но по силе и энергии характера, по темпераменту политического борца, агитатора и организатора, по пламенной преданности интересам народа Соколовский с самого начала оказывается на три головы выше всех либеральных болтунов.

Искренним энтузиазмом и бескорыстной энергией этого человека захвачен и Нивельзин. «Это энтузиаст: — конечно, но есть разные энтузиасты. Есть такие, у которых в голове нет ничего, кроме энтузиазма. Этот, кажется, не таков. Есть такие, у которых энтузиазм весь тратится на горячие речи, так что ровно ничего не остается для дела. Этот, кажется, не из таких: он думал и трудился».

Такой человек не может долго остаться в плену либеральных иллюзий, они чужды самому существу его характера. Но даже и ему недостаточно теоретически разъяснить его ошибки. Соколовский — практик, и только на практическом опыте борьбы он может и должен убедиться в фальшивости либералов и либеральных идей. Это понимает Волгин. Поэтому, когда Соколовский пытается вовлечь и его в борьбу за свой проект, так как, по его словам «журналист — сила, важнее всяких министров», — Волгин не только отказывается от этого дела как частного и второстепенного, ничего не решающего, неосуществимого, но отказывается и от общения с Соколовским. «Как

журналист, я бесполезен для вас. У вас был другой мотив: одинаковость наших убеждений. Не знаю, достаточно ли обнаружилось для вас, что и в этом вы ошибались. Мой образ мыслей не сходен с вашим». «...тем тверже мое решение: нам не надобно видеться. Не для чего, потому что я не хочу помогать вашему проекту. Я не желаю, чтобы делались реформы, когда нет условий, необходимых для того, чтобы реформы производились удовлетворительным образом. Никакое дело не требует, чтобы мы с вами виделись. Зачем же мы стали бы видеться? Чтобы спорить об отвлеченных вопросах, или о пустяках, называемых нашими общественными вопросами?»

Волгин убежден, что сама практика борьбы неизбежно опровергнет убеждение Соколовского в том, что правительственные верхи не только «принуждены были сознаться», что реформы необходимы, «принуждены были обещать полное обновление народной жизни», но что они собираются и на деле выполнить свои обещания. Понимая «принудительный» характер реформаторских обещаний самодержавия, Соколовский все же верит: «И не только обещали, сами прониклись убеждением, что без этого нельзя обойтись; с искренним усердием готовят реформы».

Раньше, чем Соколовский сам убедится в ошибочности своей оценки либералов и правительственной политики, Волгин не хочет спорить с ним, разъяснять ему свои взгляды на крестьянский вопрос. «Он не похож на нашу дрянь, но в таком же одурении, как они», — резюмирует Волгин свои впечатления от первой встречи с Соколовским. Он разъясняет свою точку зрения только при третьей встрече с Соколовским, когда тот сам убеждается в дряблости и трусости либералов.

Образ Соколовского в раскрытии идейного смысла событий выполняет очень важную функцию. Он свидетельствует, что без разоблачения либералов невозможно сплотить революционно-демократический лагерь.

Дальнейшее развитие действия идет по двум направлениям: это, во-первых, поиски Левицкого, исчезновение которого обнаруживается с приездом в Петербург Илатонцевых. Это, во-вторых, развитие событий, связанных с подготовкой и обнародованием царского рескрипта о принципах «освобождения» крестьян.

Составление рескрипта поручено таким государственным чиновникам, как Савелов и его непосредственный начальник Петр Степанович, совершенно прирученный Савеловым с помощью жены. Истинным автором доклада, который должен был лечь в основу рескрипта и всей правительственной про-

граммы подготовки реформы, является, конечно, сам Савелов. Чернышевский показывает, от каких людей зависит «дело свободы» и какими методами они его готовят и продвигают.

Савелов — тип дельца-карьериста, для которого «дело свободы» только средство пролезть к власти и богатству, который заигрывает и с либералами и демократами, чтобы стать, «министром по общественной необходимости». Интрига, обман, подсиживание, использование личных связей и даже продажа собственной жены в любовницы знатному сановнику — таковы традиционные для чиновной бюрократии пути продвижения к власти.

Доклад, составленный Савеловым, должен подписать Чаплин — крупный сановник, совершенно равнодушный ко всему, кроме самых низменных удовольствий. Это и использует Савелов, пытаясь завербовать Чаплина в число «партизанов либеральных принципов освобождения». Он принуждает жену стать любовницей Чаплина, рассчитывая в качестве платы получить кроме подписи под докладом еще и должность своего непосредственного начальника, глупого и доверчивого Петра Степановича.

Разозленный сопротивлением Савеловой, Чаплин отказывается подписать доклад. «Чаплин изменил делу свободы!» — кричат либералы-прогрессисты всего Петербурга, как будто бы он мог когда-нибудь иметь какое-то отношение к делу свободы. И вслед за этим они впадают в полное уныние и растерянность, «вешают носы» и остаются в состоянии трепетной покорности воле начальства.

Так разоблачается и самодержавно-бюрократическая государственность, «освободительная» политика самодержавия и роль либералов как трусливых лаксеев царизма, готовых поджать хвост при первом окрике жандарма. Может ли государство, столпами которого являются Савеловы и Чаплины, осуществить «полное обновление народной жизни», как надеялся Соколовский?

После целого ряда разочарований Соколовский увлекся новым проектом — выступить с адресом от лица русской общественности, но на личном опыте убеждается, что либералы «умеют только вешать носы и хныкать», что он не найдет сочувствия в их среде, и сознается в невозможности адреса.

«Тогда Волгин пошел дальше»¹ и попытался впервые объяснить ему, почему и адрес не пущен, как не нужны и правительственные реформы, выгодные только помещикам. В новом разговоре Волгина с Соколовским с исключительной ясностью и силой раскрывается истинный смысл изображенных

¹ Выделено нами. — Г. Т.

событий, подлинная классовая природа либеральных надежд и «освободительных» планов самодержавия.

В. И. Ленин в работе «Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?» полностью цитирует и подробно комментирует этот разговор, как классическое выражение революционно-демократической позиции Чернышевского в крестьянском вопросе.

«Волгин (в уста которого Чернышевский вкладывает свои мысли) говорит: «Пусть дело освобождения крестьян будет передано в руки помещичьей партии. Разница не велика», и на замечание собеседника, что, напротив, разница колоссальная, так как помещичья партия против наделения крестьян землей, он решительно отвечает: «Нет, не колоссальная, а ничтожная. Была бы колоссальная, если бы крестьяне получили землю без выкупа. Взять у человека вещь или оставить ее человеку — разница, но взять с него плату за нее — все равно. План помещичьей партии разнится от плана прогрессистов только тем, что проще, короче. Поэтому он даже лучше. Меньше проволочек, вероятно, меньше и обременения для крестьян. *У кого из крестьян есть деньги, тот купит себе землю. У кого их нет — так нечего и обязывать покупать ее. Это будет только разорять их. Выкуп — та же покупка*»¹.

Подчеркнув последние строки в речи Волгина, В. И. Ленин видит в них свидетельство гениальности Чернышевского, понимавшего, «что существование правительства, прикрывающего наши антагонистические общественные отношения, является страшным злом, особенно ухудшающим положение трудящихся»².

Волгин заявляет Соколовскому: «Если сказать правду, лучше пусть будут освобождены без земли». В. И. Ленин разъясняет это положение следующим образом: «То-есть если так сильны у нас крепостники-помещики, пусть лучше выступают они открыто, прямо и договаривают до конца, чем прятать эти же крепостнические интересы под компромиссами лицемерного абсолютного правительства»³.

Открытое, без всякой лицемерно-«освободительной» маскировки, ограбление крестьян лучше потому, что ускорило бы рост классового сознания крестьян, скорее подняло бы их к революционному сопротивлению, которое единственно способно на деле, а не на словах освободить народ от помещичьей эксплуатации. В. И. Ленин указывает, что Чернышевский «протестовал, проклинал реформу, желая ей неуспеха, желая, чтобы... получился крах, который бы вывел Россию на дорогу

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 1, стр. 263.

² Там же, стр. 263—264.

³ Там же, стр. 264.

открытой борьбы классов»¹. Такова позиция последовательного демократа и революционера, таков идейный смысл событий, изображенных в «Прологе пролога».

Сюжет романа отражает типичные обстоятельства, расстановку сил в русском обществе накануне реформы. В действие постепенно вводятся представители всех общественных сил, участвующих в предреформенной политической борьбе. Обнаружив противоположность двух лагерей русской жизни в области бытовых отношений, Чернышевский затем показывает характер взаимоотношений между «новыми людьми» внутри революционно-демократического лагеря, величайшие трудности, которые ставит перед ними жизнь (Волгин, Левицкий); процесс высвобождения некоторой части революционно-демократической интеллигенции из под власти либеральных иллюзий и ошибок (Соколовский); противоположность характеров и взглядов демократов и либералов, их борьбу за влияние на общественное сознание (Волгин, Рязанцев, Нивельзин); возню внутри правительственного лагеря, сущность и приемы правительственной политики в вопросе подготовки реформы (Савелов, Чаплин).

Когда все эти силы в лице их живых представителей достаточно полно обрисованы перед читателем, Чернышевский сталкивает их в прямом политическом действии в картине баякета по поводу выхода царских рескриптов. Это и составляет кульминацию сюжета. По силе реализма, по глубине проникновения в жизнь и мастерству выражения обед у Илатонцева принадлежит к лучшим страницам «Пролога».

Неожиданно для Савелова и либералов, считавших, что «дело свободы» окончательно проиграно, Чаплин получил отставку, и рескрипт был подписан царем. Чернышевский подчеркивает, таким образом, что правительство встало на путь реформ вовсе не благодаря деятельности прогрессистов, не вследствие интриг Савелова, а «по общественной необходимости». Правительство встало на путь фальшивого и лицемерного «освобождения» крестьян *сверху* для того, чтобы предотвратить действительно их освобождение *снизу*.

Но либералы, не проявившие никаких признаков жизни в момент кажущегося провала реформы, теперь приписывают себе честь «победы»: «Они задрали посы и пошли по Петербургу победителями, завоевателями».

Соколовский, еще до конца не освободившийся от власти либеральных надежд, предлагает созвать провинциальных помещиков, которых много было в это время в Петербурге, и взять их на испуг, используя их растерянность, вызванную

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 1, стр. 264.

рескриптом, вырвать от них подписи, обеспечивающие более выгодные для крестьян условия выкупа. План этот приводится в исполнение. Помещики действительно напуганы и растеряны, им кажется, что царский рескрипт означает отказ правительства охранять своими штыками господство помещиков, что они оставлены один на один с крестьянской массой. Так воспринимает обстановку усатый старик — помещик и крепостник: «Он вырос на том, и умрет с тем, что не могло быть ничего лучше крепостного права». Но оно «всегда было несправедливо им (крестьянам — Г. Т.) и держалось только штыками... надобно торопиться и надобно сделать так, чтобы мужики остались довольны. Почему? — Резон простой: бунт. — Будет промедление? — Мужик скажет: «Помещики не хотят давать нам воли, — бей помещиков, братцы!..» В этом, весь резон... Теперь мужики еще удовлетворяются условиями не разорительными для помещиков. Но сделайте промедление, и будет совсем другое. Тот драгун, Соколовский, говорит правду: «Спешите развязаться с ними, пока они еще не наслушались демократических речей; если не поспешите, пойдут на вас с криком: вся земля мужицкая, выкупу никакого! — Убирайся, помещики, пока живы».

Таким образом, настроения помещиков, не опомнившихся после рескрипта, соответствуют «гениальному» плану Соколовского. Но он не предвидел и не учел одного — скрытого единства интересов крепостников, самодержавного правительства и дворянских либералов. По ходу событий романа это единство становится явным даже для самого Соколовского.

Либерал Рязанцев приглашает на обед правительственного чиновника-реформатора Савелова и тот со всей определенностью разъясняет помещикам их ошибку: правительство и не думало «отнимать штыки». Они попрежнему на страже помещичьих интересов, попрежнему направлены против крестьян: «Думают, что общественный порядок может подвергаться опасностям. Нет. Администрация не потерпит никаких беспорядков, и уже приняты меры, чтобы она повсюду имела под рукой достаточные силы для подавления беспокойных движений в самом начале; для этого, по всем частям государства расположены войска».

Более того. Савелов совершенно рассеивает опасения крепостников, доказав им, что реформа будет проводиться в интересах помещиков и руками помещиков, что крестьяне выданы им правительством на разграбление: «Крепостное право будет уничтожено. Но право собственности останется священно... за все неизбежные уступки помещики должны быть вполне вознаграждены крестьянами. Могут ли помещики опасаться, что вознаграждение не будет достаточно, когда им самим по-

ручается сделать оценку? — Точно так же напрасны и все другие опасения их, — напрасны по той же причине: им самим поручается заняться осуществлением реформы... При таком порядке дела, можно быть уверенным, что великая реформа не нарушит выгод помещиков».

Так сам представитель реформаторского правительства объясняет в романе грабительскую, антинародную сущность политики самодержавия, ее истинную роль и назначение. Естественно, что «лица помещиков делались веселее по мере того, как Савелов раскрывал им истину», так что усатый старик — крепостник совершенно оправляется от испуга и с торжеством заявляет Волгину: «Мы ошибались, милостивый государь, вы сами видите, перед нами виляют хвостом».

«Гениальный» план Соколовского проваливается, и Волгин, приглашенный в качестве пугала для помещиков, покидает собрание, так и не выступив: теперь их уже ничем не запугаешь, за штыками самодержавия они чувствуют себя в полной безопасности.

Соколовский в отчаянии, а либерал Рязанцев, сорвавший план Соколовского приглашением Савелова, остается в полном упоении собой «в близком ожидании минуты, когда начнет красноречиво излагать свои принципы, так сильно рекомендованные его другом» Савеловым. Он присоединяется к нему, заявляя, что речь Савелова «наилучшее выступление к его собственной речи». Он ни в чем не расходится с политикой правительства, а политика самодержавия целиком совпадает и с интересами крепостников.

Обед у Илатонцева приводит к результатам прямо обратным тем целям, для которых он был затеян. Так раскрывается предательская роль либералов, прикрывающих цветистыми фразами реакционную политику самодержавия.

Соколовский убеждается на опыте в том, что на основе правительственных постановлений, опираясь на либеральных прогрессистов ничего не возможно сделать в интересах народа. «Челюсти Соколовского были стиснуты, глаза горели; по легкому подергиванию костлявых плеч его было видно, что его бросает в лихорадку от негодования».

«Не хлопчите, обойдется без вас, — говорит ему Волгин. — Лучше поедem со мною. Хочу взглянуть, что с Левицким. Может быть, уже пришел в сознание...

— И можно ли было ждать от Савелова такой измены?

— Измены никакой нет...

— И неужели все погибло?

— Не могло не погибнуть...

— Такая слабость, такая трусость! — Между нами нет ни одного государственного человека!»

Читателю ясно, что либеральные иллюзии Соколовского разбиты жизнью, что теперь перед ним один путь — в лагерь *последовательной* революционной демократии, куда неизбежно, логикой событий стягивается все деятельное и честное, действительно преданное интересам народа.

Сцена обеда у Илатонцева является кульминацией сюжетного развития не только потому, что здесь окончательно выясняется характер реформы, определяется развязка главного события, стоящего в центре сюжета, но и потому, что все скрытые, замаскированные связи и противоречия становятся тут явными, открытыми, единство лагеря крепостников, правительства и либералов — наглядно очевидным. Наконец, в этих сценах острота основного конфликта, непримиримость противоречий между помещиками и крестьянами, между либералами-прогрессистами и революционерами-демократами достигает наивысшей силы. Лагерю реакции резко противопоставлен здесь революционер-демократ Волгин, прямо оценивающий все это собрание как скопище врагов народа: «Ему противно становилось смотреть на этих людей, которые останутся безнаказанны и безубыточны: безубыточны во всех своих, заграбленных у народа доходах, безнаказанны за все угнетения и злодеяния; — противно, обидно за справедливость, — и он опускал, опускал нахмуренные глаза к земле, чтобы не видеть врагов народа, вредить которым был бессилён»...

Чернышевский подчеркивает в Волгине его мужицкий демократизм, близость его идей интересам и взглядам угнетенного крестьянства. Он представитель мнений «врожденных русскому народу, народу мужиков, не понимающих ничего, кроме полного мужицкого равенства». Он уверен в том, что после действительного раскрепощения народа, после уничтожения помещичьего землевладения и крепостной кабалы Россия двинулась бы вперед семимильными шагами: «В пять лет удвоились бы, в десять — учетверились бы средства нации». Но для этого необходимо, чтобы «освобождение было полное и мгновенное, по мыслям народа», а такое освобождение возможно только силами самого народа — революционным путем. Волгин угрюм и мрачен не потому, что предвидит, к чему приведет затея Соколовского, он и не ждал ничего хорошего от этого банкета. Глубокий трагизм его положения заключается в том: ясно понимая, что только массовая народная революция отвечает интересам развития родины, он в то же время сознает, что народ пока не подготовлен к революционному действию. Эта трагическая коллизия, намеченная уже в начале романа, здесь достигает максимальной остроты и силы выра-

¹ Выделено нами. — Г. Т.

жения. Волгин вспоминает сцены народной жизни, которые приходилось ему наблюдать в действительности: «Ему вспомнилось, как, бывало, идет по улице его родного города толпа пьяных бурлаков: шум, крик, удалые песни, разбойничьи песни. Чужой подумал бы: «Город в опасности,— вот, вот, бросятся грабить лавки и дома, разнесут все по щепочке». Немножко растворяется дверь будки, оттуда просовывается заспанное старческое лицо с седыми, наполовину вылинявшими усами, раскрывается беззубый рот и не то кричит, не то стонет дряхлым хрипом: — «Скоты, чего разорались? Вот, я вас!» — Удалая ватага притихла, передний за заднего хоронится, — еще бы такой окрик, и разбежались бы удалые молодцы, величавшие себя «не ворами, не разбойничками, Стеньки Разина работничками», обещавших, что как они «веслом махнут», то и «Москвой тряхнут», — разбежались бы, куда глаза глядят, куда ноги понесут, крикни еще раз инвалид в дверь будки; но старый будочник знает, что перед богом грех был бы слишком пугать удалых молодцов: лбы себе перебьют, ноги переломают, навек бедные искалечатся, — будочник, понюхав табак, говорит: «Идите себе, ребята, с богом, только не будите меня. старика, не вводите в сердце». И затворяется в будке, — и ватага удалых молодцов, Стеньки Разина бывших работничков, скромно идет дальше, перешептываясь, что будочник, на счастье им, видно, добрый человек.

В детстве Волгин приходил в недоумение от этих сцен.

Полицейско-самодержавная власть над многомиллионным народом не свалится сама; она сильна и крепка пассивностью, покорностью масс, их неспособностью к организованному революционному действию: «Жалкая нация, жалкая нация! — Нация рабов, — снизу доверху, все сплошь рабы... — думал он, и хмурил брови.

В статье «О национальной гордости великороссов» В. И. Ленин разъяснил подлинный смысл этих чувств и размышлений Волгина: «Мы помним, как полвека тому назад великорусский демократ Чернышевский, отдавая свою жизнь делу революции, сказал: «жалкая нация, нация рабов, сверху донизу — все рабы». Откровенные и прикровенные рабы — великороссы (рабы по отношению к царской монархии) не любят вспоминать об этих словах. А, по-нашему, это были слова настоящей любви к родине, любви, тоскующей вследствие отсутствия революционности в массах великорусского населения»¹.

Вспоминая эти слова Волгина-Чернышевского, В. И. Ленин особенно подчеркивает их конкретно-исторический смысл. Недостаток революционности в народных массах характерен

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 21, стр. 85.

именно для того времени, которое изображает Чернышевский. Это одно из важнейших обстоятельств русской жизни эпохи подготовки и осуществления реформы. Даже в 1859 г., когда уже сложилась революционная ситуация, она не привела к революции из-за слабости субъективного фактора, из-за недостатка революционной активности и сознательности масс.

Черты пламенного и самоотверженного патриота, противостоящего целому скопищу врагов народа и тоскующего оттого, что он «бессилен вредить им», резко контрастируют с сияющим самодовольством предателя народных интересов — либерала Рязанцева.

Волгин рвется к революционному действию, но практически революционное действие невозможно без поддержки самого народа: он «не считал себя борцом за народ: у русского народа не могло быть борцов, по мнению Волгина, оттого что русский народ неспособен поддерживать вступающих за него». Но «тем меньше мог он делать уступки за народ, тем меньше мог не выставлять прав народа во всей их полноте, когда приходилось говорить о них».

Отстаивать интересы и права народа, быть его защитником и представителем в идейно-политической борьбе — такова почетная роль идеолога крестьянской революции. В кульминации сюжета во весь рост встает гигантский образ вождя революционной демократии. За его одинокой фигурой стоит многомиллионная масса трудящихся и эксплуатируемых, интересы которых он представляет. Поэтому его вес и значение в политической борьбе неизмеримо больше, чем вес и влияние либералов-реформистов Савеловых и Рязанцевых.

«...Революционеры играли величайшую историческую роль, — писал В. И. Ленин, — в общественной борьбе и во всех социальных кризисах *даже тогда*, когда эти кризисы непосредственно вели только к половинчатым реформам. Революционеры — вожди тех общественных сил, которые творят все преобразования; реформы — побочный продукт революционной борьбы».

Революционеры 61-го года остались одиночками и потерпели, повидимому, полное поражение. На деле именно они были великими деятелями той эпохи, и, чем дальше мы отходим от нее, тем яснее нам их величие, тем очевиднее мизерность, убожество тогдашних либеральных реформистов¹.

Чернышевский с замечательным мастерством подлинного реалиста раскрывает в сюжете «Пролог пролога» типические обстоятельства русской жизни, глубочайшие социальные противоречия эпохи падения крепостного права. Изображая собы-

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 17, стр. 100.

тия, связанные с подготовкой и опубликованием царского рескрипта 1857 г., он сумел показать истинные причины, принудившие самодержавие к освобождению крестьян, борьбу основных политических партий по крестьянскому вопросу, антинародный характер политики самодержавия.

В «Проекте речи по аграрному вопросу во второй государственной думе» В. И. Ленин писал:

«Про крестьянское «освобождение» и проклятой памяти «выкуп» 1861 года великий русский писатель, один из первых социалистов в России, замученный палачами правительства, Николай Гаврилович Чернышевский, писал: лучше была бы добровольная сделка крестьян с помещиками, чем такое «освобождение с выкупом» через помещичьи губернские комитеты. При добровольной сделке о покупке земли, с крестьян *не могли бы* содрать столько, сколько содрали с них посредством *правительственного* «примирения» крестьян с помещиками.

И великий русский социалист оказался прав. Теперь 46 лет спустя после пресловутого «освобождения с выкупом» мы знаем итоги *выкупной операции*...

Российские либералы хотят еще раз повторить подобное же «примирение» крестьян с помещиками. Берегитесь, крестьяне! Рабочая социал-демократическая партия предупреждает вас...»¹.

С гениальной прозорливостью Чернышевский показал борьбу тех общественных сил, которые тогда только наметились, определили характер развития России на протяжении более полувека.

Вторая часть романа «Пролог» — «Дневник Левицкого» — самостоятельна в сюжетном отношении. Здесь сюжет строится в соответствии с традицией русского реалистического романа, как «история роста и организация характера» центрального героя. Обе части связаны единством идейного замысла и единством главных положительных героев — Волгина и Левицкого. Уже в «Прологе пролога» поставлена проблема соби- рания сил революционно-демократического лагеря.

Развязка первой части романа возвращает читателя к этой теме. Раздраженный подлостью либералов, расстроенный размышлениями о предстоящем «освобождении», Волгин обращается мыслью к Левицкому. Покинув скопище врагов, он отправляется к нему. Волгин настойчиво зовет с собою и Соколовского. «Ну, что же, Болеслав Иванович, поедem со мною, — гораздо лучше, — уверяю, — говорит он.

Собирание сил революционной демократии, воспитание кадров революционных деятелей теперь главная, самая важная

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 12, стр. 257.

задача Волгина. Таков идейный смысл развязки «Пролога пролога».

Проблема формирования характера передового человека, идеолога революционной демократии, составляет основную идейную задачу «Дневника Левицкого». Чернышевский прослеживает пути формирования морали нового человека, как в его общественной практике, так и в области личных отношений, пути созревания политических взглядов Левицкого. Этой задаче, связанной с необходимостью психологического раскрытия внутреннего мира героя, наиболее соответствует и характер построения второй части романа и форма дневника.

Время действия «Дневника Левицкого» почти совпадает со временем действия «Пролога пролога»: дневник начинается с последних чисел мая 1857 г., т. е. через месяц после первой, случайной встречи Левицкого с Волгиным, изображенной в первой сцене «Пролога пролога». Вторая часть романа осталась незаконченной, дневник обрывается на августовских записях. Поэтому трудно судить о том, каким временем думал закончить автор вторую часть «Пролога».

Чернышевский начинает дневниковую исповедь своего героя с того момента, когда он только вступает в жизнь, с момента окончания Левицким педагогического института. Он уже выработал четкое революционно-демократическое мировоззрение, передовые взгляды на состояние и задачи русского общества. Уже из «Пролога пролога» мы знаем, что Левицкий правильно понимает вещи: «Понимает, все понимает как следует!» — говорит Волгин, который нашел в нем первого своего единомышленника по всем коренным вопросам.

Левицкий и в морально-этических вопросах свободен от власти традиционных представлений эксплуататорского общества, он придерживается тех взглядов, которыми руководствуются «новые люди».

Это с самого начала определяет содержание характера Левицкого и направление его духовного развития. Но по молодости и недостатку жизненного опыта Левицкий еще не умеет сурово и трезво учитывать все конкретные обстоятельства, подлинную сущность человеческих характеров и отношений. Поэтому он поддается иллюзиям и впадает в ошибки. Источник их не в теории, которая безусловно правильна, а в отсталости русской жизни, во власти уродливых обстоятельств над людьми и их помыслами. Поэтому главным сюжетным конфликтом в «Дневнике Левицкого» является конфликт между героем и обстоятельствами. Противоречие между высокими стремлениями и принципами Левицкого и теми людьми и обстоятельствами, к которым он прилагает эти принципы и стремления — это главное противоречие, движущее вперед раз-

звение действия второй части романа. В практическом опыте взаимоотношений с людьми, преодолевая собственные иллюзии и ошибки, Левицкий постепенно вырабатывает умение сочетать высокие понятия и принципы с трезвым и точным учетом конкретно-исторических обстоятельств, с глубоким пониманием сущности человеческих характеров и отношений.

Противоречие между героем и обстоятельствами обнаруживается уже в столкновении Левицкого с товарищами по институту, которых он считал своими друзьями и единомышленниками и которые за одним лишь исключением (Лиаконский) поверили первой же нелепой клевете, распушенной институтским начальством против слишком беспокойного выпускника. Левицкий очень тяжело переживает свое первое разочарование в друзьях. За частным, но лично пережитым фактом, он обнаруживает общую закономерность: неразвитость, незрелость сознания массы хороших людей, угнетенных несправедливым, реакционным общественным порядком.

Если целый курс молодых людей, из которых многие были гораздо выше обыкновенного уровня по уму и развитию, оказался орудием подлого интригана по простому недомыслию и легковерию, то чего же можно ожидать от всей массы общества?

Так же, как для Волгина, для Левицкого частный случай из собственного опыта становится поводом для широких социально-исторических обобщений: «От Гракхов до Бабефа одна и та же история... И после все она же... Этот жалкий 1848 год». История с однокурсниками содержит постановку основной проблемы «Дневника Левицкого» — как на практике следует разрешать противоречие между правильной, но отвлеченной теорией и повседневной жизнью, основанной на уродливых обстоятельствах, враждебных интересам человеческой личности.

Почти одновременно то же противоречие проявляется и в истории любовных отношений Левицкого с Анютой. Левицкий подходит к Анюте с тем же кодексом морали, с каким Кирсанов подходил к Крюковой или Лопухов к Вере Павловне: он в первую очередь стремится помочь ей высвободиться из личного порабощения, избавиться от мужа-пьяницы. Влюбившись в Анюту, он мечтает, что будет способствовать ее нравственному и умственному развитию, что женится на ней и воспитает из нее верного друга в борьбе и в труде. При этом он совершенно не учитывает, что по своим жизненным идеалам и представлениям, по содержанию характера, воспитанного пошлой жизнью, Анюта тяготилась только бедностью и побоями мужа. Высшее стремление ее жизни — стать наложницей богатого человека. Поэтому Анюта, став любовницей Левицкого,

го и снисходительно выслушивая его восторженные планы относительно скромной трудовой жизни и нравственного развития, подыскивала себе богатого покровителя. После того, как Аня покинула Левицкого, он записывает в дневнике: «Была ли Аня способна к развитию? Сомнительно. Не глупа, но только на житейские дела... Я хотел забывать, что розги могли бы оставить впечатление».

По идейному смыслу этот эпизод сюжета аналогичен попытке «освобождения» Савеловой в «Прологе пролога»: нельзя освободить из рабского положения того, кто не хочет от него освободиться, для кого счастье жизни связано с теми материальными благами, которые добываются рабской зависимостью. Борьба за освобождение человека не терпит филантропии, не может быть осуществлена без активного стремления к свободе и независимости тех, кто поработен.

Основной сюжетный конфликт, раскрытый в дружеских и любовных отношениях, вслед затем обнаруживается и в области общественных связей. Третий момент в развитии сюжета составляет знакомство и сближение Левицкого с Волгиным. В разговорах с Левицким Волгин откровенен до конца, так как в нем увидел «единственного человека, который правильно судит о положении нашего общества».

Волгин разъясняет Левицкому, что задача заключается не в изменении правовых отношений между помещиком и крестьянином, а в коренной ломке экономических отношений, в уничтожении помещичьего землевладения: «Сущность дела в том, что за право существовать и работать, мужик обязан платить частному лицу, — землевладельцу, — подать, — натурою или деньгами — барщину или оброк. За право работать, — потому что земля сама по себе не имеет никакой ценности;... кто платит за землю, платит только за право работать. Эта подать за право работать в помещичьих имениях велика; почти у всех помещиков велика до большой обременительности. Вот серьезная сторона дела. *Перемены в ней не будет*, потому что общество не думает об этом. *Обременительная подать в пользу частного лица останется*. Но вместе с правом брать эту подать, помещик имеет административную власть. Исключительно этим обстоятельством и занялось общество»¹.

Исходя из понимания решающей роли собственнических отношений, Чернышевский так оценивает подготовляемую судебную реформу: «Какие судебные формы могут иметь какую-нибудь серьезную важность, пока общий характер национально-го устройства не охраняет правду и защитников ее? Все вздор.

Две мелочи — вот вся программа хлопот и восторгов русского общества на довольно долгое время, — если не случится

¹ Выделено нами. — Г. Г.

ничего особенного; а ничего особенного пока еще не предвидится. Пустота, — бессмыслие пустоты, бессилие бессмыслия».

Пропаганда революционно-демократических идей, по мнению Волгина, тоже не может иметь решающего значения, ведь журнальная пропаганда обращена к «образованным классам», а не к массам трудящихся, обреченных крепостничеством на темноту и безграмотность. Левицкий рвется к революционному действию, к активному участию в борьбе за благо народа и пока нет других возможностей хочет стать журналистом, чтобы подобно Волгину участвовать в пропаганде революционно-демократических идей. Но Волгин возражает против этого плана, так как считает более целесообразным сберечь Левицкого от преследования царской охранки, пока «придет серьезное время». Он не берется предсказывать точные сроки, но твердо убежден в неизбежности революционной бури, в том, что она неотвратимо придет: «Как придет? — Как пришла маленькая передышка Крымской войны», «так или иначе придет серьезное время». Волгин считает, что Левицкий, пока «не подымется буря», должен готовиться возглавить практическую борьбу.

Единственный критерий морали, которым руководствуются деятели революционной демократии в отношениях между собой и в своем общественном поведении — это критерий революционной целесообразности, который в каждом конкретном случае определяется на основании трезвого учета исторической обстановки. Возражая Волгину, Левицкий тоже исходит из мысли о долге перед родиной, из революционной целесообразности. Он считает, что в любой обстановке целесообразно действовать, а не сидеть сложа руки, выжидая благоприятной ситуации. Если пока нельзя поднять массы на практическую борьбу, надо активно вести борьбу идеологическую, как это делает сам Волгин. Если ее нельзя вести активно и прямо, надо прибегать к эзоповским формам пропаганды. Так раскрывается *главное* содержание сюжетного конфликта второй части романа: нельзя действовать и идти на риск пока массы не готовы к революционному выступлению, иначе движение будет обезглавлено, когда оно начнется. Но нельзя и не действовать, нельзя пассивно выжидать стихийного развития событий, потому что теория без дела мертва, потому что только в деле проверяется верность и прочность убеждений, выковываются силы для борьбы.

Трагическое противоречие, теоретически сформулированное Волгиным в «Прологе пролога», превращается в «Дневнике Левицкого» в сюжетную коллизию, центральную в этой части

¹ Выделено нами. — Г. Т.

романа. Левицкий должен так или иначе разрешить для себя это противоречие.

Под влиянием личных потрясений он принимает решение, подсказанное Волгиным, — уезжает в деревню к Илатонцевым; но внутренне он не убежден в справедливости такого решения, поэтому вскоре начинает писать для журнала. Несколько летних месяцев после окончания института являются для него и необходимым отдыхом после трудных лет бедственного студенческого существования и периодом окончательного становления его характера. К спору с Волгиным он неоднократно возвращается в своем дневнике, снова и снова приходя к мысли о том, что только активное участие в борьбе, в тех ее формах, которые возможны и целесообразны в данный момент, достойно настоящего человека: «В голове Петербург, журналистика, наши либералы, — и Волгин, с вялою насмешкою говорящий: «Эх, вы! — Ну какое пиво сварить с этой сволочью?» И возражать Волгину: «Где же, когда же общество не было толпою сволочи? А между тем, порядочные люди всегда и везде работали».

Левицкий даже упрекает Волгина в том, что в нем недостает веры в силы и революционные возможности народа, хотя ясно сознает, что именно Волгин — «это человек преданный народу».

Тем временем в Левицком вырабатывается умение разбираться в людях, с которыми он имеет дело. Он еще не раз ошибается, поддается иллюзиям в оценке людей и их возможностей. Но урок, извлеченный из практического опыта, пошел в прок. В отношениях с людьми он сохраняет теперь трезвость, суровую проницательность и требовательность. Познакомившись с Настенькой, он еще не может не мечтать об ее перевоспитании, но трезвая наблюдательность берет верх, и он во время отказывается от этого плана. В дружеских отношениях с Мери он переходит от чрезмерной подозрительности к чрезмерной восторженности в *суждениях* о ней, поэтому снова терпит разочарование: но *в отношениях* с ней он руководствуется безусловно точным нравственным чувством.

История формирования характера Мери — это самостоятельный, вставной сюжет, сюжетное отступление, которое помогает глубже раскрыть кричащие противоречия русской жизни. Но для развития характера Левицкого важна сложная и противоречивая история его отношений с Мери. На этом примере он еще раз убеждается, как калечат уродливые условия общественного неравенства даже самые сильные и даровитые натуры.

В отношениях с очень разными людьми Левицкий оттачивает нравственное чувство, уточняет и развивает свои взгляды,

вырабатывает качества характера, необходимые для практической борьбы революционной демократии против враждебного народу общественного порядка. Художественное раскрытие формирования характера передового человека 60-х годов и составляет главную задачу и реальную основу сюжета «Дневника Левицкого».

Основная идея «Дневника Левицкого», раскрытая через сюжет, дополняет основную идею «Пролога пролога»: если только массовая народная революция в состоянии разрешить и разрешит рано или поздно коренные социальные противоречия русской жизни, то пропаганда передовых революционно-демократических идей, упорная работа во имя грядущей революции — единственно достойная передового человека деятельность, какой бы она не казалась незначительной по сравнению с грандиозностью будущей революционной бури, какой бы она ни была опасной и сложной. При этом, сделать что-либо плодотворное и полезное во имя Родины и революции можно только в том случае, если сочетать самую передовую теорию, преданность высоким идеям революционного преобразования жизни с самым трезвым учетом конкретно-исторической обстановки, с самым глубоким проникновением в сущность политических течений, идей, человеческих характеров, с умением подчинять все свое поведение революционной необходимости.

Эти идеи пронизывают весь роман, объединяя и связывая в единое художественное целое обе его части, самостоятельные в сюжетном отношении. Только в первой части они раскрываются в прямом изображении идеологической борьбы двух основных лагерей русской политической жизни, на материале политических событий, связанных с подготовкой реформы 1861 г., а во второй части — в процессе становления характера последовательного «революционера, социалиста, демократа». Поэтому в «Прологе пролога» с наибольшей силой дано сатирическое изображение реакционного либерализма и правительственной политики, а в «Дневнике Левицкого» ярче показан процесс зарождения и роста нового, процесс образования удивительного по красоте и силе характера русского революционера.

Начинающемуся идейному разброду в среде демократической интеллигенции конца 60-х и начала 70-х годов и теории «малых дел» Чернышевский противопоставил последовательный революционный демократизм, наиболее полно отражавший интересы широких трудящихся масс, притесняемых помещиками и разоряемых капиталистической эксплуатацией.